

Opium Eater hardly comes up to what the title leads us to expect, although it is a tale of “burking”. The conclusion is most important»^{97*}.

Об этом ли сочинении говорит ваш корреспондент⁸? Сочинение *де Куинси*, о котором я говорил, пользуется сложившейся много лет назад репутацией, поставившей его в уровень с лучшими писателями того времени – *Вильсонами, Мурами, Брумами, Вальтерами Скоттами, Колриджами* и пр.

Искренне обнимаю вас.

Всецело преданный вам Ст. Ворцель

¹ Ответ на неизвестное письмо Герцена, предложившего тяжело больному Ворцелю переехать к нему.

² Герцен навестил Ворцеля в первых числах декабря (XI, 144–145).

³ Ворцель непродолжительное время гостил у Герцена, однако прожить у него в доме несколько месяцев, как предложил ему Герцен, он наотрез отказался (см. XI, 144–145).

⁴ *Кларет* – французское вино.

⁵ Ворцель давал частные уроки математики и физики, в том числе и сыну Герцена.

⁶ “Atlas” – политическая и литературная газета, издававшаяся в Лондоне Л. Кошутом.

⁷ *Дж. Блеквуд* – английский издатель. Вероятно, имеется в виду объявление о предстоящем выходе в свет второго издания книги “Confession of an English Opium-Eater”, автором которой был Т. де Квинси.

⁸ И. С. Тургенев, который в письме от 6 декабря горячо рекомендовал Герцену эту книгу, не назвав, однако, ее автора (см.: И. С. Т у р г е н е в . Письма III, с. 45). 25 декабря Герцен ответил, что после получения письма Тургенева он тотчас же приобрел “Opium-Eater’a” и что это, действительно, “превосходная книга” (XXVI, 60).

И. ЛЕЛЕВЕЛЬ

Иоахим Лелевель (1786–1861) – известный польский историк, участник восстания 1830 г., живший затем в Брюсселе на положении эмигранта. В “Былом и думах” Герцен охарактеризовал Лелевеля как “лучшего из лучших, сохранившего в дряхлом теле молодое сердце и юный, кроткий, детски чистый, голубой взгляд” (XI, 147; ср. XV, 111; XXVI, 303).

Приступив в 1855 г. к изданию альманаха “Полярная звезда”, Герцен обратился к ряду выдающихся западноевропейских деятелей – Гюго, Мишле, Блану, Прудону, Маццини и Лелевелю – с просьбой поддержать его инициативу и принять участие в новом органе. Это письмо Герцена к Лелевелю от конца июля 1855 г. не сохранилось. Ответ Лелевеля, публикуемый ниже, пришел слишком поздно и не попал на страницы “Полярной звезды”, о чем Герцен информировал читателей в редакционной заметке, помещенной на последней странице альманаха, и обещал опубликовать его в следующей книжке (XII, 570). Обещание, однако, выполнено не было.

В 1859 г. Герцен навестил Лелевеля в Брюсселе.

Письмо печатается по фотокопии с автографа *BPUG*. Впервые опубликовано в неточном польском переводе самого автора: *L e l e w e l . Polska dzieje i rzeczy jej*, t. XX. Poznań, 1855, s. 625–627; ср.: *L e l e w e l . Listy emigracyjne*, t. V. Kr., 1956, s. 228. С этого издания был сделан также неточный русский перевод в кн.: “Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей”, т. II. М., 1958, с. 606–607. На языке оригинала опубликовано М. О к у т ю р ь е в *ААН*, 257–259.

Перевод с французского:

(Брюссель, 6 августа 1855 г.)

Милостивый государь и дорогой наш собрат,

Вы напоминаете мне о незабвенном дне 6 августа, годовщину которого вы вскоре отметите, воскресив “Полярную звезду”¹, и выражаете уверенность в нашем непрерывном участии.

Решив развернуть знамя борьбы за нашу и вашу вольность² во времена нашей независимости в Варшаве, мы принесли дань уважения вашим жертвам³. Павшая под вашим братоубийственным мечом (простите сие роковое выражение!), наша

^{97*} «Недавно вышедшая “Исповедь потребителя опиума” вряд ли соответствует тому, что заглавие дает нам право ожидать, хотя это и рассказ о “душегубстве”. Вывод же в высшей степени важен» (англ.).

эмиграция отмечала годовщины их мученической гибели⁴. Когда Бакунин открыто объявил о своих принципах и о своей миссии — это было здесь, в Брюсселе, на торжественном собрании⁵, — мы провозгласили братский договор между русскими и поляками.

На этом собрании мы напомнили отдельные исторические факты — как поляки, находясь на вершине своего могущества или же повергнутые в прах и угнетенные, не раз призывали русских к свободе, к братскому единению. Быть может, тогда они не были расположены выслушивать и понимать друг друга; быть может, претензии королей и царей с той и другой стороны вставали как непреодолимые препятствия. Но братские симпатии все же пускали ростки в духе и чувстве обеих наций.

Вы напоминаете мне достойное восклицание одного из Наполеонов: “Я хочу иметь в Польше лагерь, а не форум”⁶. Вы полагаете, что на Западе желают восстановить Польшу, дабы превратить ее в лагерь. Дорогой собрат! Позвольте мне опровергнуть это последнее утверждение. Нынешний Запад и не помышляет о восстановлении Польши; он даже глубоко враждебен ее восстановлению. Не помышляет он уже и о превращении ее в лагерь; он не способен к этому и понимает, что лагерь ни к чему не приведет. Опытom доказана уже недостаточность этого средства.

Я знаю многих из своих соотечественников, убаюкивающих себя, к несчастью, этими безумными иллюзиями. Они себе повторяют: “Запад вынужден будет восстановить Польшу”, не понимая, что тот, кто действует не добровольно или из личного побуждения, искренним быть не может: он предаст. Свободная Польша для запада была бы еще более страшным пугалом, нежели система завоеваний какого-нибудь царя.

И, тем не менее, от этих завоеваний Запад может быть предохранен лишь форумом в Польше: уничтожением иностранного владычества, деспотизма и учреждением форума свободы и братства у всех славян. Так вот, Польша может достойным образом возродиться лишь собственными силами и исходя из собственного принципа. Только революции способны создать для нее благоприятные условия. Тогда-то вы, русские братья, должны будете вершить общее дело; и мы будем вершить вместе с вами это общее дело, когда вы подымете знамя гражданского равенства и свободы.

Горести наши оплакиваются; говорят, что и русские страдают, что и они несчастны. Мы охотно сознаемся в своих горестях и страданиях, но в сочувствии мы не слишком-то нуждаемся, пока мы надеемся, пока мы действуем с полным убеждением, что наши усилия принесут свои плоды. Хотя развязка и отодвигается, торжество, не вызывает сомнения.

Я в слишком преклонном возрасте, чтобы рассчитывать увидеть это: потому-то я утешаю тех (из ваших соотечественников), которые предаются чрезмерному отчаянию, говоря, что мы трудимся не для себя, а для будущих поколений. Дорогой собрат! Утешайте же, внушайте бодрость своим соотечественникам; защищайте наше общее дело, подавайте добрые советы, упорствуйте в своей любви к свободе и в непоколебимой воле достигнуть ее.

Привет и горячая братская любовь.

Л е л е в е л ь

6 августа 1855 г.

Брюссель

На обороте:

Господину Александру Герцену

Cholmondeley Lodge, Ричмонд. Лондон

¹ Герцен в письме к Лелевелю указал неверную дату казни декабристов: переводя число с нового стиля на старый, он, по рассеянности, не вычел, а *прибавил* двенадцать дней к дате; отсюда и ошибочное указание на титуле “Полярной звезды”, которую Герцен хотел выпустить именно в этот печально памятный день (см. XII, 318).

² “*За нашу и вашу свободу*”, — надпись, появившаяся на польских знаменах 25 января 1831 г. во время манифестации в часть декабристов в Варшаве. Этот прославленный лозунг (его автором был сам Лелевель) находился в польском и русском начертаниях и на знаменах, которыми польская армия встречала в том же году русские войска, перешедшие границу Царства Польского.

³ Манифестация в честь декабристов была организована "Патриотическим обществом" (см. пред. прим.).

⁴ Намек на церемонию в память декабристов, устроенную в Брюсселе 25 января 1834 г. польскими эмигрантами под председательством Жоттрана, редактора "Courrier Belge" (см. письмо Лелевеля к В. Петкевичу от 26 января 1834 г. — L e l e w e l. Listy emigracyjne, t. I. Кр., 1948, s. 236.

⁵ 14 февраля 1848 г. в Брюсселе на польско-бельгийском банкете в годовщину казни Ш. Конарского Бакунин выступил с речью (о ее содержании см.: Ю. С т е л о в. Михаил Александрович Бакунин..., ч. I. М., 1920, с. 153). Возможно, что он выступал и на торжественном заседании, посвященном второй годовщине Краковского восстания 1846 г., 22 февраля 1848 г. На этом заседании выступал и К. Маркс (см.: К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. IV, с. 488–494), и Лелевель. Свою точку зрения на взаимоотношения России с Польшей Бакунин высказал и в речи, произнесенной в Париже 29 ноября 1847 г.

⁶ Выражение Наполеона I, обращенное к графу Л. Нарбонну-Ларá. Герцен привел его в воззвании "К нашим", напечатанном в кн. I "Полярной звезды": "Поляки желают, чтоб мы были свободны, а мы — чтоб Польша была независима. И желаем этого искреннее многих западных друзей ее. Они хотят восстановить Польшу против России, хотят сделать из нее "лагерь, а не форум", как сказал Наполеон Нарбонну, и защититься ее славянской грудью от нас. Мы хотим Польшу свободную и самобытную для того, чтоб не было, наконец, никакой причины раздора с Европой" (XII, 298). Возможно, Лелевель имеет в виду именно это место из воззвания Герцена.

А. ГУРОВСКИЙ

Граф Адам Гуровский (1805–1866) — польско-американский публицист, политический эмигрант, автор книг о России. Прошел сложную и путаную идейную эволюцию от крайне левого крыла эмигрантских организаций до восхваления николаевской России и в то же время деятельно выступал против рабства негров в США. В одном из своих писем (1850) Герцен охарактеризовал Гуровского как шпиона русского правительства (XXIV, 70). Гуровскому посвящена монография: F. S t a s i k. Adam Gurowski. 1805–1866. W., 1977. См. о нем также в Л IX, 430 и в "Лит. наследстве", т. 62, с. 742.

Письмо 1-е печатается по фотокопии с автографа BPUG. Впервые опубликовано М. О к у т ю р ь е на языке оригинала в ААН, 269–270; п. 2 публикуется здесь впервые Л.Р. Ланским по автографу РГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед.хр. 228, л. 1. (ранее было им проаннотировано в "Лит. наследстве", т. 62, с. 742).

1

Перевод с английского:

(Нью-Йорк. 23 декабря 1858 г.)

Милостивый государь,

С удовлетворением узнал я из вашей торжественной декларации в недавнем номере "Cloche", что мое утверждение в "New York Evening Post" от 19 октября, будто вы продали своих крепостных, было ошибочно¹.

Для вас еще, впрочем, открыта благоприятная возможность (и я решаюсь выразить надежду, что время вами упущено не будет и что вы воспользуетесь этим случаем) проиллюстрировать собственным примером великолепную филантропию, выдающимся адвокатом которой вы являетесь, — и незамедлительным освобождением своих крепостных и распределением среди них в справедливых пропорциях земель, ими прежде обрабатывавшихся, и даровав им другие привилегии, зависящие от вашей власти, и в то же время подтвердить искренность своих собственных заверений и довести идею освобождения до той степени, до которой императору в его благотворительных поползновениях никогда и не снилось достичь.

Г у р о в с к и й

Нью-Йорк, 23 дек(абря) 1858 г.

Надеюсь, что вы опубликуете в "Cloche" это мое искреннее искупление своей вины².

Александру Герцену
Лондон